

Поведайте о всех чудесах Его...
Поминайте чудеса, которые Он сотворил...
Возвещайте всем народам чудеса Его.

1 Пар. 16: 9, 12, 24

В помощь слову Божию даны Божии чудеса.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Явленность икон в собственном смысле слова указывает на происшедшие от иконы явления: знамения благодати, чрез неё явившиеся. А исцеление души прикосновением чрез икону к духовному миру есть, прежде всего и нужнее всего, явление чудотворной помощи.

Священник Павел Флоренский

В реалисте вера не от чуда рождается,
а чудо от веры.

Ф.М. Достоевский

От автора

Дорогой читатель! В сборнике «Пятый выстрел», который ты сейчас держишь в руках, представлены рассказы из четырёх циклов. Первый из них — «Голоса. Монологи друзей и знакомых» — не собирался осознанно. Он возник практически случайно, благодаря охватившему меня чувству надвигающейся потери того бесценного дара откровенности и доверия, который воплотился в незамысловатых историях жизни моих собеседников. Но лучше поздно, чем никогда. Я стал вспоминать и записывать самое интересное и трогательное, рассказанное мне в задушевных беседах. Они могли случиться и на вечерней кухне, и в храмовой трапезной после долгого богослужения, и в поезде дальнего следования, и на берегу реки, излучина которой обнимает основание златоглавой церкви, и в бесконечной очереди

От автора

к мощам святого. Своей неподдельной искренностью, правдивостью, желанием поделиться сокровенным эти «подслушанные» голоса, кажется, способны растопить даже самые очерствелые сердца, ведь исповедальное настроение пришло к ним во имя одного-единственного желания — воскресить, оживить на время то чувство предстояния пред Богом, которое они испытали в тот памятный день, то подлинное переживание Истины, которое посетило их однажды.

Ныне сожалею, что истории эти не были записаны по горячим следам. Скорее всего, они оказались бы более живыми и с точки зрения языка, и по богатству конкретных деталей. Всё же решаюсь предложить эти краткие повествования читателю. Они мне дороги как память о тех, кто раскрыл передо мной своё сердце, поделился самым заветным, иногда даже тайным, и своей искренностью исцелил меня самого от недоверчивости, укрепил в вере, надежде, любви.

От автора

Естественно, у каждого из моих собеседников была собственная манера речи. В моём изложении характеристические особенности их языка частично стёрлись или подравнялись, но успокаиваю себя тем, что большинство героев рассказов — мои земляки: жители или собственно Владимира, или земли Владимирской. А поскольку я вырос на этой земле и впитал её язык с молоком матери, надеюсь, что не слишком сильно искажил речевые особенности моих земляков. Всем им низкий поклон и благодарная молитвенная память.

Третий цикл — «Сонечкины рассказы» — родился похожим образом. Когда, казалось, я его уже закончил и разослал друзьям и коллегам на предмет замечаний и критики, мне стали присылать новые сюжеты, которые идеально ложились в новый цикл. Так, за образом Сонечки встали Ксюша, Анечка, Маринка. Образ рассказчицы получился собирательным, но не размытым, ведь за ним стоит изначальный прототип.

От автора

Цикл второй — «Боголюбская» — посвящен памяти протоиерея Владимира Петрова и написан непосредственно после его кончины. Нередко мы лишь после преставления человека способны оценить масштаб и богатство личности покойного. Вдруг в душе образуется ноющая пустота, которую ничем не заполнить, и мы осознаём истинное значение человека для нашей духовной жизни. Неожиданная кончина отца Владимира в 2021 году потрясла нас, его духовных чад, внезапно осиротевших. Они собирались на поминки, на девятый день, на сороковины, делились воспоминаниями, и их благодарная память запечатлелась в моих рассказах. В сборник вошло всего пять рассказов, однако автор обязан отцу Владимиру и другими повествованиями, написанными ещё при жизни батюшки, например рассказом «Копыта» из цикла «Голоса». Кроме того, ждут своего часа и другие истории об отце Владимире или услышанные от него.

От автора

Наконец, последний цикл — «Дух и буква» — составляют произведения, написанные в разное время. В него входит рассказ-повесть «Пятый выстрел», который и дал название всей книге.

Все четыре цикла посвящены чудесам, прежде всего чудотворениям от святых икон, и в этом заключается их единство. При том, что действие происходит и в Новейшее время, и в прошлом веке, и в XIX столетии, и даже в Евангельские времена.

Святое Евангелие свидетельствует, что Господь совершает чудеса и без икон — по молитве и вере человека просящего. Вместе с тем Спаситель оставил апостолам не только учение, но и Свой Нерукотворный Образ. С тех пор икона стала живым благодатным посредником между Богом и человеком, ведь она есть земной образ небесного Первообраза, к которому восходят храмовые и домашние прошения, моления и словесия верных.

От автора

Церковь установила празднования таким чудотворным иконам Божией Матери, как Владимирская и Смоленская, Казанская и Иверская, Тихвинская и Знамение Пресвятой Богородицы, но наряду с этими великими святынями почитаются и образы, известные лишь в своей епархии. Однако всякая икона втайне, в своей сокровенности, чудотворна! «Иди, вера твоя спасла тебя!» — не раз читаем напутствие Спасителя исцелённому. Почитая чудотворные иконы, не станем забывать, что не земной образ Иисуса Христа, даже исключительно духовно и талантливо написанный, а Сам Господь по вере и молитве человека подаёт ему всё благопотребное для жизни сей и для жизни вечной.

Голоса
*Монологи друзей
и знакомых*

БАБУШКА

Переселился к нам в общежитие слесарь Санёк, и мне никакого житья не стало. Просто мамочки мои! Понравилась я, видишь ли, ему. Потом уж узнала от соседей, что жена выгнала его из дома за беспробудное пьянство и осталась одна с ребёнком. Передавали, что он славился в своём цеху как непревзойдённый слесарь по ремонту мостовых кранов. Да вот спился почти совсем.

Ухаживал он за мной своеобразно. Трезвым я его не видела ни разу, а по вечерам, уже изрядно поднабравшись, он ломился в дверь и орал на весь коридор:

— Открывай! Всё равно будешь моей! —
на большее его не хватало.

Я кричу ему через дверь:

— Подумай о ребёнке!

Слышу в ответ:

— Не твоё дело!

А тут Люся, моя подружка и соседка по комнате, к родителям в отпуск уехала. И началось! Каждый вечер прёт на мою дверь, как бык на ворота. Просто мамочки мои. Кто-нибудь вызовет милицию, а он в свою комнату шмыг и спать заваливается. Пьян в дугу, а соображает. День прошёл, и всё сначала: дверь трещит под ударами кулаков. Пришлось ещё один замок врезать, повыше первого.

Но тут надо рассказать сначала вот о чём. Комендант наш, Григорьич, строго-настро-го запрещал вешать что-нибудь или приклеивать на стены, чтобы, значит, не портить их. Сам ходил по комнатам и проверял. Так мы с Люсей, две медсестрички, и жили в голых стенах. А потом комендант накопил вдруг портретов Ленина и сам вместе с завхозом ходил по комнатам, вбивал гвозди и вешал нам портреты вождя. Как-то умудрялся он находить сквозь штукатурку швы

Бабушка

между кирпичами, туда и вколачивал. Однако времена были уже не те — начало девяностых на дворе. Пошла совсем другая молва — о «всегда Живом». Думаю, комендант в знак протеста против антиленинской пропаганды портреты и развесил везде. В общем, обвинили Григорьича в нецелевом расходовании средств и то ли просто уволили, то ли без почёта отправили на пенсию.

И все как с цепи сорвались. Портреты вождя, конечно, повыбрасывали, и пошло: кто-то стены любимыми актёрами обклеил, кто певцами, кто своими «произведениями» — рисунками, картинами, некоторые семейные фотографии развесили. Уже потом один священник так объяснил этот порыв: «Таким способом, — сказал он мне, — люди свою тоску по иконе заглушают. Красный угол порушили, а потребность в иконе осталась. Вот и подменяют её всякими суррогатами — любимыми певцами, актёрами, спортсменами».

У меня никаких особых привязанностей не было. Любила фильмы Тарковского, но его портрета нигде не смогла купить. Тогда много говорили об убийстве царской семьи. И вот однажды, вышагивая по улице, я увидела на лотке книжечку писем царицы Александры Фёдоровны. Ну и купила, потому что дёшево было. А потом всю ночь не спала. Прочла книжку не отрываясь — и сразу перечитывать. И реву как корова. Подушка вся мокрая. Ведь царица прямо воплощение любви. Как она любила мужа, дочерей, сыночка больного! А как любила и страдала за Россию! И какие слова находила для всех! Просто мамочки мои! Она ведь иностранка. Каково ей было в чужой стране?! Это я на своей шкуре испытала. По контракту год в Литве отработала. Кругом чужой язык, никакой дружбы народов и в помине нет, по-русски говорить брезгуют, отворачиваются. Вот и царице, наверное, нелегко пришлось в первое время в России.

*Портрет святой царственной мученицы
Александры Фёдоровны в юности*

А их в подвале рассадили, словно для фотокарточки, и в упор из винтовок и наганов... А деток-то за что? Такие хорошенькие! Когда прочитала, что их штыками добивали... В общем, над своей кроватью я повесила портрет царицы Александры. Не пожалела я книжечку и вырезала оттуда. Рисунок такой. Она без короны. Когда спрашивали, кто это, отвечала: бабушка моя, в молодости. Их в то время ещё не причислили к лику святых.

А у меня тогда в душе неразбериха и сумятица поселились. Вроде бы сердце тянется к нашим святым, особенно почему-то к Серафиму Саровскому и Иоанну Кронштадтскому, к Богородице тоже, но в храм меня калачом не заманишь. Бывало, зайду, свечку поставлю и чуть не бегом на улицу. Выскочу из двери и выдохну, и на душе полегчает. Всё наоборот получалось.

А опыт духовный — до встречи с письмами царицы Александры — у меня всего один случился.

Бабушка

Опять сделаю шагок в сторону. Это когда я в Вильнюсе жила. По утрам, полусонная, плелась в диспансер на дежурство и по дороге проходила под застеклённой аркой, а там внутри была видна икона Богородицы. Вроде бы перед такой или похожей молился Серафим Саровский. Называлась виленская икона Остробрамской. «Брама», кажется, «врата» по-литовски. Получается, что речь идёт о той иконе, что находится над узкими или острыми воротами.

И вот как-то вижу: останавливается автобус, и из него высыпают поляки, я их поговору сразу признала. Что за сила меня потянула за ними? Длинная-предлинная лестница, поднимаешься, и направо тесная часовня с иконой, отгорожен образ от паломников низкой чугунной решёткой. Не приложишься. Долго стояла я перед Богородицей. Все на коленях, а я стоймя стою. Чувствую, что на работу уже опоздала. Вдруг кто-то, пробираясь поближе, задел

меня плечом в плечо — я рухнула на колени и зарыдала. В тот день я в этой часовне до закрытия осталась. На работу не пошла. Как только направлюсь к выходу, меня слёзы душат. Возвращаюсь. То постою, то посижу, то опять на колени опущусь. Наверное, потому и вспомнила сейчас про Остробрамскую, что вот так же ревела, читая письма царицы.

А она, между прочим, в Вильнюсе бывала с дочерями. Кажется, в 1915-м, во время войны. Вот это письмо: «Прибыли в Вильно... Я увидела два санитарных поезда и сразу прошла к ним. Всё устроено вполне прилично, есть несколько тяжёлых случаев, но все держатся молодцом — они прямо из боя. Посмотрела госпитальные кухни и пункты питания. Оттуда поехали в собор, где находятся мощи трёх святых, а потом подошли к образу Божией Матери — чуть не умерла, когда поднималась. Образ в чудесном месте, жаль, что нельзя к нему приложиться». И прям толкнуло

Бабушка

меня тогда: ведь про *этот* образ она писала! Ей тоже тяжело по лестнице подниматься, и жалеет она, что нельзя приложиться. Как прочитаю это место, так опять слёзы в три ручья.

Что-то я то и дело отвлекаюсь.

Вечером, как всегда — уж который день, — Санёк под дверью. На этот раз с молотком. Думаю, всё, капнут. Погибель моя пришла. Колотит и колотит. Один замок совсем разбил. За второй принялся. Я стою спиной к двери, как бы подпираю её. И хоть бы кто-нибудь заступился.

Смотрю, и второй замок трещит, через щель перегаром несёт — не продохнуть. Ну, я и хлопнулась в обморок, хотя я медсестра, ко многому привычная. Теряя сознание, чувствую, как кто-то подхватывает меня на руки и осторожно кладёт на кровать.

Когда я очнулась, вокруг стояла тишина тишайшая. Значит, ушёл Санёк, думаю. А в комнате неземное благоухание. Смотрю,

на столе обычный гранёный стакан с водой, а в нём веточка черёмухи. И от неё веет свежим, весенним ароматом. Это уж как всегда: зацвела черёмуха — тут как тут майские холода. К запаху черёмухи примешивается благовонный прохладный ландыш. Откуда это? Не Санёк же принёс.

А на душе радость и чистота. Как тогда в часовне с Остробрамской иконой. Наплакалась я там. А о чём плакала, сама не ведаю. Но вышла из часовни другой: душа чистая, сердце благодарно радуется, тело послушное и лёгкое, как после бани, духовной бани, надо думать. И вот второй раз такое состояние посетило меня вместе с черёмуховой веточкой.

На другой день пошла в нашу церковь, хотела свечку поставить Остробрамской. А там говорят, что и не слышали о такой иконе. Стали спрашивать, как выглядит. Я рассказала. Ну, и подали мне образ Умиления из Дивеева. Дескать, похоже?

Бабушка

Я взяла иконочку домой. Похожа. Только лик другой и полумесяца внизу нет. А старец Серафим называл её «Всех радостей Радость».

Вечером осторожный стук в дверь. Открываю. Мамочки мои! С ноги на ногу переминается Санёк. Трезвый. Ну разве что рюмочку пропустил для храбрости. Глаза поблёскивают. В руках черёмуха. Кисти её своим трепетом приветствуют. Говорит, мол, наломал тебе. Виноватый вид. Надо, дескать, кое-что рассказать тебе.

Сел он за стол. Вытащила я из-под кровати трёхлитровую банку, налила воды, поставила «букет», а рядом с ним стакан с одной-единственной благоуханной веточкой. И начал Санёк рассказывать.

— Ломлюсь к тебе вчера. Дверь поддаётся понемногу. А тут вдруг она открывается, дверь-то, и передо мной величественная такая женщина, красоты неопишумой. И одета не по-нашему. Я и молоток выронил,

и дар речи потерял. А за её спиной две или три медсестры спуют. Как бы на стол накрывают, что ли. В таких каких-то старинных длинных платьях с большими красными крестами на груди, и снежно-белыми платками повязаны. Стою, и страх меня забирает, какой-то «священный ужас», как говаривал дед. Смотрит она на меня строго, но спокойно. Вмиг я протрезвел. Язык еле ворочается, но всё же спросил: вы, мол, кто? А она мне: я, дескать, бабушка её. И кивает на тебя. А ты на кровати белей полотна с закрытыми глазами лежишь. Она говорит: «Ты, Александр, сюда больше не ходи. Теперь я здесь буду жить. Ты же себе не враг, возвращайся в семью».

И закрыла дверь у меня перед носом. Даже молоток забыл у порога. Хотел было пойти к Григорьичу: дескать, у Ольги незаконно бабка проживает, непорядок! Настучать хотел. Потом вспомнил, что коменданта-то турнули с работы. За пор-

Бабушка

треты. Еле дождался сегодняшнего вечера. Александром назвала, а меня сто лет никто так не называл, всё Санёк да Санёк. А мне ведь под сорок. Вот пришёл к тебе, — неожиданно закончил он свою повесть.

Я в слёзы. Мамочки мои! Благодарно смотрю на царицу. И меня спасла, и его вразумила, не дала такой грех совершить. Он проследил за моим взглядом, увидел портрет над моей кроватью:

— Так вот же она! Это она мне вчера дверь открыла. Только тут она совсем молодая. Значит, правда это твоя бабушка?

Пришлось рассказать ему кое-что. Слушал с озадаченным видом. В конце задал только один вопрос:

— А медсёстры, что за её спиной хлопотали?

— Думаю, — говорю ему, — расстрелянные доченьки царицы, больше некому. Они ведь во время войны в госпитале санитарками или медсёстрами работали.

Починил мне Санёк дверь, новые замки врезал и исчез из поля зрения. По слухам, сошёлся с женой, слава Богу.

Букет черёмухи осыпался на третий день, несмотря на обилие воды, а веточка с «привкусом» ландыша у меня три месяца стояла. Я водичку в стакане через день меняла. Потом в нашем храме исповедалась, причастилась, домой пришла, а веточка-то благоуханная, фимиамная завяла. Долго она поддерживала меня, вроде как костыль духовный, и теперь, получается, без надобности мне стала.

24–27 мая 2020 года

ИКОНА В ИНКУБАТОРЕ

*Памяти Оптинского иконографа
игумена Илариона (Ермолаева)*

Вот так и бывает: новорождённого из родильной палаты сразу в кувез, а по нашему — в инкубатор. Прозрачный ящик.

С обеих сторон по две больших овальных прорези для рук врача или сестры на случай необходимой терапии. Сверху крышка, которую можно поднять. Внутри разные аппараты, датчики, провода, трубки. Система жизнеобеспечения, так сказать. Поддерживается определённая влажность и температура. Микроклимат и полная стерильность.

Сначала у нашего крохи лёгкие не раскрылись, подключили к искусственной вентиляции. Потом пришли другие беды. Не хочется и вспоминать. Считаем дни, потом недели, теперь месяцы до выписки из реанимации. Врачи даже не пытаются обнадежить, поддержать. «Состояние тяжёлое, но стабильное!» И всё. Хорошо, что некритическое. И так каждый Божий день, а дней этих накопилось шестьдесят четыре. На наших глазах смерть против жизни борется, а поле битвы — только что пришедшее в мир трёхкилограммовое тельце нового человека, нашего долгожданного

чада. Мы же пытаемся не поддаваться чувству бессилия.

Жена каждый день по утрам заходит в церковь, подаёт записочку о здравии. Могла бы сразу заказать сорокоуст, но она вот взяла на себя такой маленький подвиг: каждый день едет в храм и новую записочку подаёт о здравии болящего младенца Андрея.

И вот однажды, на шестьдесят четвёртый день, приходим утром в детскую реанимацию и узнаём, что в соседнем кувезе ребёночек ночью умер. Рядом с нашим малышом. У жены истерика, потом несколько раз в обморок падала. Сама-то еле отошла после родов. Поздняя беременность.

Тут я не выдержал. Говорю жене:

— Всё, хватит! И так слишком долго терпели. Плевать нам на санитарию и на стерильность. Пойду домой и принесу икону. Какую лучше? Может, преподобного Амвросия?

Стоит у нас в красном углу образ Амвросия Оптинского. Писал её мой друг —

*Преподобный Амвросий Оптинский.
Современная икона*

иеромонах, Оптинский иконописец. Он же подарил мне и частицу рясы или мантии, которую мы приклеили в уголке средника. Батюшка наш участвовал в открытии мощей преподобного и оставил для друзей и знакомых полуистлевший кусочек.

Между прочим, жена понесла после того памятного паломничества в Оптину. И всегда-то мы ехали в Пустынь к Амвросию, хотя там ведь старцев — больше десяти. По приезде в обитель обходили Введенский, Владимирский, Казанский храмы и возвращались к Амвросию-батюшке.

Это я с женой такой решительный, а когда подходил к врачу спросить про икону, весь запал исчез. Поджилки трясутся.

— Илья Борисович, я бы хотел из дома икону принести и поставить в инкубатор... Если уж вы ничего не можете сделать... Простите...

Зря, конечно, сказал, что они ничего не могут. Вы бы видели, что тут началось!

Суеверия! Антисанитария! У вас же высшее образование! Я прикажу, чтоб вас больше не пускали в клинику, и т.д. и т.п. Особенно в помощи врачу усердствовал фельдшер Коля. Чего только он не наговорил нам вгорячах! Бог ему судья.

Не знаю уж, как получилось, но Николай Степаныч (за глаза его все звали ласково дядей Стёпой — за рост выдающийся), главврач, на другой день разрешил. Принёс я икону. Тут же её стали чем-то обрабатывать, а я всё боялся, что красочный слой попортят.

Разумеется, я, как положено, в халате, в маске, в этих тонких перчатках. Поставил образ там, где крохотные ножки. Сердобольная медсестра шепчет мне:

— В головах, к головке поставьте иконочку-то.

Я настаиваю на своём:

— Надо в ногах, чтобы он видел.

— Да как он может видеть? — и всё острым шёпотом.

— Это по-вашему не может, а он младенец, он ещё всё-всё видит с закрытыми глазами лучше нашего, насквозь, а если не видит, то чувствует. Откроет их, глазки-то, а в ножках святой образ благословенный.

Сидим в коридоре, молимся. Ждём известий, словно сводку с поля боя. Пускают нас в реанимацию только по расписанию. Полутемно. Клиника экономит электроэнергию. Но только в коридорах и переходах, конечно. Вдруг мимо нас быстрыми, я бы сказал, летучими шагами проходит иеромонах в развевающейся чёрной мантии, с крестом на груди и в клобуке. Легко открывает запретную дверь, подходит к инкубатору. Вот тебе и стерильность абсолютная! Монах, весь чёрный, как грач на весеннем снегу, начинает молебен о здравии. Заветная дверь открыта. Мы за ним. Сёстры одна за другой короткими перебежками несутся к детской реанимации, фельдшер наш, Коля,

и оба врача подходят. И все стоят у монаха того за спиной молча. Даже не шепчутся. Просто онемели. И фельдшер в том числе.

Мы с женой начинаем подпевать: «Господи помилуй!» А я мимоходом думаю: «Вот как надо! Смело, без сомнений вошёл и исполнил свой долг. Мы же мнёмся-жмёмся, малодушничаем, дрожим как овечий хвост, чужеродным правилам пусть нехотя, но поддаёмся. А память о нашем призвании — о молитве у постели больного — отодвигаем на задворки». Кто это «мы», я, по сути, не знал, но такая покаянная мысль мелькала, не давала покоя.

Кстати, у меня слуха нет, а у жены в тот день с утра горло разболелось, но потом все хвалили наше пение. «Прямо небесное!» — говорили. Да уж!

Отслужил иеромонах молебен. Покадил как положено. Голубые клубы дыма стелились по детской реанимации (расскажи кому — не поверят!), всех младенцев

помазал елеем, окропил святой водой. Видно, с собой принёс, молебен-то был не водосвятный, а простой. Все стоят как вкопанные, словно к полу приросли. И никаких протестов.

Вот иеромонах повернулся к нам лицом и направился к выходу. Я взглянул на икону в инкубаторе. На лик. Так ведь это же сам Амвросий наш, Оптинский и всея России чудотворец! Тут дверь за ним захлопнулась. Я чуть не бегом из палаты. Но там никого. Пустой коридор, сужаясь, уходит к далёкой противоположной стене с небольшим круглым окном, перечёркнутым крестом рамы. Вернулся в реанимацию, а там — истинная душистая стерильность небесной святости. Тут уж точно никакая зараза не пристанет.

Позже я узнал, как случилось, что главврач разрешил поставить в инкубатор

икону. А ведь могли бы и с работы его выгнать за такие религиозные вольности!

Фельдшер Коля позже подружился с нами, а с Николаем Степанычем они теперь не разлей вода. И вот фельдшер со слов врача рассказал нам, что, когда закрылось это дело с нашей иконой, Николай Степаныч увидел сон. А он неверующий, но и не атеист. Теплохладный по-нашему. Будто, значит, стоит он в храме перед иконостасом. Рядом аналой, на нём икона Богородицы. И голос говорит ему: «Возьми икону в руки». А он не решается, боится чего-то, как будто руки свело. Голос опять более строго: «Возьми!» Ну, врач наш взялся за края образа, а оторвать от аналоя не может. Даже под аналой заглянул: мол, нет ли там какого приспособления. И образ небольшой, меньше локтя в высоту. Опять начал тянуть изо всех сил... И от натуги проснулся. Никак не мог объяснить себе этот странный сон. Однако

кое-что вспомнил, полез на чердак и открыл сундук с бабушкиной иконой. Богородица с Младенцем. Долго сидел над распахнутым сундуком, точнее, над иконой. Всё думал: а вдруг, как во сне, не сможет икону с места стронуть? Всё же принял он её на руки, ничего страшного не случилось. В комнате не знал, куда деть, и поставил посередине комнаты на стол, покрытый вышитой скатертью (бабушкина работа), прислонив её к стопке медицинских книг. Ну, и нам в тот же день разрешил икону поставить в кувез.

А растолкование сна вскоре продолжилось.

Вроде бы надо остыть, смириться: икона в инкубаторе, главврач разрешил, чего суетиться-то? А фельдшер Коля ну никак не мог уговориться. Словно икона мешала ему. Не давала спокойно жить и работать. И вот во время своего дежурства, как нам рассказал уже дядя Стёпа, то бишь

Николай Степаныч, фельдшер наш открыл кувез и хотел убраться оттуда икону. Что он собирался сделать с ней в дальнейшем, окутано завесой тайны. Взял он образ одной рукой, а поднять не может. Вцепился обеими руками, а икона ни с места. Волосы, поведал он главврачу, зашевелились не только на голове, но по всему телу (он такой чёрный, весь волосатый: руки, ноги, грудь и даже плечи). Оставил икону в покое и пулей полетел к Степанычу в кабинет. Вернулись в реанимацию. Фельдшер подначивает главврача: «Вы попробуйте сами, попробуйте!» Николай Степаныч нерешительно протянул руку к иконе, но тут вспомнил и сразу уразумел смысл своего неразгаданного сна, отдернул руку и невольно перекрестился. Первый раз в жизни. Так они и подружились: Степаныч рассказал Коле свой сон, а тот ему был о недвижимой иконе. Ну, и с нами наладились неформальные, так сказать, отношения.

Так преподобный Амвросий своим явлением трёх человек (ещё ту медсестру сердобольную) привёл ко Господу. Никогда не забыть мне, как после ухода преподобного медсестра бегала по палатам, вздыхала и причитала: «Чудо, чудо-то какое! А мы уж думали, не жилец он на этом свете». И опять в другой палате: «Чудо-то какое! А у нас уж руки опустились...» Мы с женой только тогда и осознали, насколько всё безнадёжно было с нашим чадом.

Слава Богу за всё! Господь молитвами святых пометил нашего малыша. А он и не подозревает ещё. Старательно и даже жадно сосёт материнскую грудь, будто тяжёлую работу совершает. Раскраснеется весь, испарина выступит, волосики на лбу слипнутся. А потом откинет головку и беззубо и счастливо улыбнётся. А взгляд бывает иногда таким мудрым, что невольно страшно становится. И думаешь: может

быть, он уже больше нашего знает, что-то такое, что закрыто от нас, взрослых. Каждое дитя — загадка, каждый малыш — тайна. Тем более такой: две недели на грани между жизнью и смертью провёл.

После выписки первым делом пошли в загс. Он у нас теперь не Андрей, а Амвросий. В честь Оптинского старца. Потом-то мы пожалели. Если уж Господь в младенчестве явил к нему такую милость, то, может, и в монастырь его призовёт. Мы-то всей душой. Вот там, в обители, при постриге и получил бы имя преподобного Амвросия. Но теперь поздно. Чего зря фантазировать! Не будем же ещё раз имя менять.

Да, ещё забыл сказать: горло-то у жены во время пения прошло вмиг. Ни красноты внутри, ни хрипоты снаружи.

Ах да! Вот ещё пришло на память. Николай Степаныч повелел сделать в реанимации полочку и поставить туда иконы Богородицы и преподобного Амвросия.

Голоса

При этом якобы сказал: «Придёт ещё один такой же горячий (это он про меня, наверное!) и полезет икону в кувез ставить, а мы ему: пожалуйста, молитесь, образа́ здесь, на полнице».

Боюсь, снимут его с должности. Как пить дать уволят! Впрочем, Бог не выдаст, свинья не съест.

И вот ещё что: икона после того случая словно наполнилась светом, будто её снова освятили. Мы так и думаем, ведь преподобный сам осенил образ своим реальным присутствием и всеильной молитвой. Чудны дела Твои, Господи!

2020 год

*Празднование в честь чудотворной иконы
«Живоносный источник»*

ПУГАЛО

Вот был у нас на селе такой случай. Я очевидец и участник в некотором роде.

Приехала комиссия: дескать, в церковь давно никто не ходит, требуется закрыть. Сельсовет одобрил. То ли клуб в ней хотели организовать, то ли МТС в неё перевести. Уже не помню. МТС, конечно, не компания сотовой связи, а машинно-тракторная станция.

Приехала другая комиссия на грузовике. Сказали, иконы представляют музейную ценность, их, мол, вынут из иконостаса и увезут в область. Ну и разорили нашу церковку Богоявленскую, в честь Крещения, значит. Всё село в ней крестилось, всё село, так сказать, одним миром мазано. Это хорошо ещё, что в музей тогда уже стали отдавать образа-то. Дед рассказывал, что в его времена иконы прямо перед храмом рубили топорами и сжигали. Народу мало что удавалось спасти. А тут как-никак в областной музей отправили.

Я тогда в нашей МТС механиком работал. Ну, а шоферюги — известное

дело — после смены в сельмаг, бутылку водки на троих с устатку. Был вариант подешевле: у Клавки-цыганки в любое время можно было самогоном разжиться. Когда третьего не хватало, меня тянули за собой. Сначала я было сопротивлялся, но скоро тоже пристрастился. Летом на природе уж больно хорошо. Закуска своя, с огорода. Но вот в остальное время в некотором роде закавыка. Где пристроиться? У всех жёны — пушки заряжены: как завалимся втроём, да с бутылкой, могут выстрелить. Обычно мы собирались с Парфёнычем и Михалычем. Как-то раз Парфёныч — помнится, день был дождливый, октябрьский — и говорит: давайте, дескать, в церкви посидим. Всё равно пустая стоит. Мы сначала воспротивились, но уж больно холод и сырость доставали. Парфёныч достал из кармана какую-то железяку и двумя-тремя умелыми движениями открыл замок южной двери. Так и повадились мы

в церкви водочку-то распивать. Тайком, когда кругом никого не наблюдалось, пробирались туда, потом, уходя, за собой запирали.

К тому времени полы в храме повыволомали. Но кое-какие доски остались. Иконостас в три ряда зиял пустыми глазницами. Зрелище страшноватое, особенно в полумраке. Парфёныч и костёр хотел было разжечь, с топором приходил пару раз, да мы не дали. Всё же церковь! И так мы там распивали по самую весну.

Как-то после Пасхи уже сидим как всегда, мирно беседуем то о работе, о новом председателе, то о бабах наших, но всё держится в рамках, без хамства и даже без мата. Мы с Михалычем уж больно не любили скверное слово. Но в тот день Парфёныч, видно, до нас ещё поддал, ну и съехал с катушек, в некотором роде. Не успели мы глазом моргнуть, как он полез на иконостас. Ловко, как кошка. Топор за поясом.

И куда пьяное расслабление членов делось! Мы кричим: слезай, мол, куда ты? А он уже в верхнем ряду из окна выглядывает, как безобразная икона. И только тут мы скумекали: крест хочет сбросить. Иконы-то музейщики забрали, а крест как был наверху, так и возвышается. Недолго он там возился, и слетело Распятие прямо на амвон. А было оно расписное, красивое, Христос был изображён на нём. И руки так раскинуты, словно Он всех хочет обнять или всех к Себе зовёт.

Мы сначала подумали, что Парфёныч теперь успокоится: чего, мол, не вытворишь по пьяни, — но он разошёлся ещё больше. Давай, дескать, по последней, и я пошёл крест в огороде ставить. Пугало для птиц из него сделаю. И ведь поставил! В тот же день. На верхушку Распятия надел старую рваную ушанку, а на пробитые гвоздями ладони натянул свои рабочие рукавицы. Всё село сбежалось смотреть.

Бабы, конечно, облаяли его, орали так, что в соседнем селе слышалось эхом, одна пыталась ему глаза выцарапать. Жена Парфёныча больше всех кричала на него, вилами грозилась. Мужики смотрели на дело по-разному. Одни иронично, в некотором роде, усмехались непонятно чему, другие удивлялись лихости Парфёныча, третьи — между собой поговаривали: мол, дурак дураком, чего с него взять-то. Только баранку крутить и умеет.

И неизвестно, чем бы дело кончилось, скорей всего, отдубасили бы его бабы, но тут откуда ни возьмись закружила в небе стая белых голубей, слетела вниз и облепила Распятие, прямо всё сверху донизу. А у нас в селе только Ванька-встанька (вообще-то он Иван Иванович Неваляшкин) держит голубей, но у него сизари и ни одного белого. Представляете, какая тишина настала. Казалось, на всём белом свете она одна такая царит и никогда

не кончится. Только что бабы орали, а тут некоторые прямо в голос зарыдали. У мужиков глаза тоже на мокром месте. Баба Маня, которая после войны у нас церковным старостой состояла, прошептала всем тихохонько: «Святой Дух снизошёл на Распятие». И все услышали.

Парфёныч сгорбился, ушёл молча в дом. Народ ещё долго любовался картиной голубиной любви. То перелетают с одного места на другое, то неподвижно сидят, на нас внимательно смотрят, то клювиками соприкасаются, в некотором роде. Не заметили мы, как сумерки упали. Расходиться стали уже в темноте. Жена Парфёныча ушла к сестре ночевать. А я после того случая о Боге задумался.

Ночью Распятие исчезло. В селе сразу появились разные версии. Первая: Парфёныч ночью изрубил его и сжёг. Вторая: кто-то взял его тайно и спрятал от греха подальше. Третья, самая популярная:

Распятие голуби унесли. Но на простой вопрос: куда унесли-то? — никто ответить не мог. Да и как они умудрились бы поднять его в воздух? Тяжёлое всё же. Хотя если говорить о чуде, то тут ничего невозможного нет, и тяжесть тут ни при чём.

Парфёныч утром не вышел на работу. А в одиннадцатом часу он прошествовал через всё село в МТС, там у нас телефон есть. Руки же держал в стороны, как на Распятии нарисовано. Они у него не опускались. Так и шёл через всё село от реки до взгорка, где за храмом МТС стоит. И знаете, ни одной насмешки, никакого злорадства. Выстроился народ в два ряда — слух-то по селу молнией пролетел — и провожал его сочувственными взглядами. А он идёт-планирует, руками покачивает, бедолага, как самолёт крыльями, в некотором роде. Часа через три за ним приехала «скорая помощь» из района. Оказалось, руки у него ночью

поднялись в стороны, и никак их не заставишь прижаться вдоль тела, как раньше. Так и не спал до утра.

Дальше знаю только по слухам, которые достигли села. Врачи в больнице ему тоже не помогли. Тогда Парфёныч якобы сам попросил пригласить батюшку. О чём они там говорили втайне, никто, конечно, не знает, но руки у него, однако, опустились. В село же он не вернулся. Жену бросил. Куда сгинул, никто не ведает. Давно это случилось. Ещё в кукурузные времена¹.

Храм уже лет двадцать как вернули. Тогда мы с батюшкой сразу же отправились в музей. Образá иконостасные нам не отдали, хотя у нас документ имелся от владыки нашего. Иконы, сказали солидно, нуждаются в особом режиме хранения, а в церкви, дескать, такового не имеется.

¹ Имеется в виду период правления Н. С. Хрущёва (1953–1964 гг.), когда огромные площади сельскохозяйственных угодий в СССР засеивались кукурузой.

Пугало

Ну, накупили бумажных изображений, наклеили на пятислойную фанеру и вставили, а то ведь дыра на дыре. Страх! Конечно, вид совсем не тот. Бумага, она и есть, в некотором роде, бумага.

Всем миром собрали денег на иконы, поехали в область. Только на две иконы — Спасителя да Богородицы в нижнем ряду — и хватило. Дорогущие они нынче. Даже представить себе не мог, как цены на святыню кусаются.

Теперь вот опять с миру по нитке собираем: крест на верх иконостаса заказали.

Между прочим, Ваня Неваляшкин недавно белых голубей прикупил — орловских турманов: замрут в высоте, потом свернутся клубочком и падают камнем, а затем вдруг расправят крылья и вертикально садятся на крышу. Теперь они нам постоянно напоминают о спасённом Распятии.

Май 2020 года

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	7
----------------	---

ГОЛОСА

Монологи друзей и знакомых

Бабушка.....	15
Икона в инкубаторе	28
Пугало	42
Незримые руки хирурга	52
Копыта	64
Спасительный круг	79
Иконный ответ.....	88
Третья рука	98

БОГОЛЮБСКАЯ

Осколок, попова дочка и день полноты духовной.....	117
Попрошайка	136

Содержание

Боголюбская	145
Перед концертом	153
Голубь прощания	158

СОНЕЧКИНЫ РАССКАЗЫ

Моя собака и маньяк	167
Отец	176
Где тут выход?	208
Фиопы.....	216
Только ноги.....	240
Певчая	253
Регент Наташа.....	288
Старичок, или Два рассказа в одном.....	311
Космос и косметика	340

ДУХ И БУКВА

Образ Троеручицы в горнице небесной... ..	361
Отпевание, или Дух и буква.....	389

Содержание

Внучкина рюмочка	404
Пятый выстрел. <i>Рассказ-повесть</i>	417
Господин субботы и сухорукий	465

